

Кара
Мин

СВОДНЫЕ
*Открыться
миру*

18+

Кара Мин

Сводные. Открыться миру

<https://litres.ru/74028668>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Алекс и Виктория впервые встретились, между ними вспыхнула искра. Но их связь — это не только любовь, а и сложные семейные отношения, ведь они сводные. Они оба знают: признаться в чувствах — значит разрушить все устои. Трудно принять свой выбор, когда сердце подсказывает одно, а долг — другое. Смогут ли они найти в себе силы пойти навстречу любви или разлучит их страх и сомнения?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сводные. Открыться миру

Глава 1

Сердце Алекса замерло, как будто незримый вихрь во-
рвался в комнату, неся с собой аромат сандала и ванили —
тот самый, что всегда предвещал появление Виктории, его
сводной сестры, и грозил разрушить хрупкую броню его са-
моконтроля. В этом огромном особняке, где каждый день
был расписан по минутам — от утренних звонков с биржи
до вечерних просмотров отчетов, — даже малейшее откло-
нение от рутины оборачивалось хаосом. Алекс, король своей
империи, привыкший командовать миллионами и людьми,
теперь чувствовал, как мир сжимается до размеров этой го-
стиной, освещенной умирающим закатным светом, прони-
кающим сквозь высокие арочные окна.

Его дни начинались с кофе, за которым следовал поток
встреч и переговоров в офисе, а вечера — с стопкой доку-
ментов на полированном дубовом столе, где цифры и графи-
ки были его верными союзниками, отгоняющими хаос эмо-
ций. Но Виктория... она была частью этого быта, как кон-
трастный мазок на холсте его упорядоченной жизни. Она

жила в этом доме уже три года, с тех пор как их семьи объединились из-за семейных перипетий, и за это время превратила часть особняка в свою творческую крепость: студию на верхнем этаже, где холсты и тюбики красок лежали в хаотичном порядке, словно отражение ее бунтарской души. Алекс платил за все — за ее уроки, материалы, даже за те редкие поездки в галереи, — но это была не милость, а необходимость, ведь он не мог позволить ей уйти, не мог отпустить ту искру, что зажигала в нем запретное пламя.

Подняв глаза от бумаг, где строки финансовых отчетов сливались в бессмысленный узор, он увидел ее силуэт у окна — хрупкий, но полный той жизненной энергии, которая заставляла воздух вибрировать. Виктория стояла, опираясь на подоконник, и ее длинные волосы, цвета спелой пшеницы, переливались в лучах заходящего солнца, словно кисть художника поймала последние отблески дня. Вокруг нее витал не только ее фирменный аромат — смесь сандала, ванили и легкого масляного запаха от красок, — но и аура свободы, которую она пыталась сохранить в этом золоченом плену. Особняк, с его мраморными полами, антикварной мебелью и тихим гулом кондиционеров, был для Алекса крепостью стабильности, но для Виктории — тюрьмой, где каждый день сражался с ее творческим голодом. Она просыпалась поздно, проводя утро за мольбертом, смешивая цвета в тишине, а потом бродила по дому, как тень, оставляя за собой следы кистью или пятна краски на платьях. Алекс наблюдал за

этим издалека: за ее ритуалами — чашкой чая с мятой в саду, за часами, проведенными в размышлениях у камина, — и чувствовал, как его рациональный мир трещит по швам.

— Что-то не так? — произнес он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как всегда, когда он вел переговоры или отдавал приказы, но внутри него уже разгорался тот знакомый и опасный огонь, что пылал годами. Он знал ее лучше, чем кого-либо в этом мире: ее страсть к краскам и цветам, которые она смешивала с маниакальной точностью, ее бунтарский дух, скрытый под маской покорности, когда она сидела за ужином в их общей столовой, отвечая на его вопросы короткими фразами. А еще он знал, как она смотрит на мир — через призму эмоций, которые он, с его холодной рациональностью, едва мог постичь. Для Алекса жизнь была цепью сделок и решений, где каждое действие имело цену, но для Виктории это был холст, полный неопределенности и красок, где страсть лилась, как краска по бумаге.

Виктория медленно повернулась, и в ее глазах, обычно искрящихся, как свежая палитра, теперь плескалась тень меланхолии — усталость от масок, от запретов, от этой жизни в роскоши, которая душила ее свободу. Она была воплощением творческой бури: платье свободно облегающее ее фигуру, словно приглашая ветер, подчеркивало изгибы, что Алекс старался игнорировать, и ее руки, испачканные охрой и ультрамарином, говорили о часах, проведенных за работой. В гостиной, где воздух был пропитан ароматом дорогих сигар

и полированной древесины, она выделялась как чужеродный элемент — женщина, рвущаяся на волю, но прикованная к этому быту. Алекс чувствовал, как его пульс ускоряется, когда она сделала шаг ближе.

– Мне просто... надоело, – ответила она тихо, слова повисли в воздухе, как невидимые нити, связывающие их. Надоело притворяться, скрывать то, что кипит внутри. Алекс мгновенно уловил это: она говорила о той же тоске, что и он. О жаре, который обжигал их обоих, о стыде, который только раздувал пламя. Он – человек контроля, привыкший доминировать, – чувствовал, как его воля тает перед ней. А она, Виктория, с ее художнической душой, полная контрастов: нежная, но страстная, уязвимая, но не сломленная.

Он поднялся, шаг за шагом сокращая расстояние, как охотник, ведомый инстинктом. Его движения были уверенными, неотразимыми, отражая годы, проведенные в борьбе за власть. Когда его пальцы коснулись ее щеки, мягкой и теплой, она не отпрянула – вместо этого ее губы слегка приоткрылись, приглашая, несмотря на слабый протест.

– Не надо... – прошептала она, но в ее голосе не было убежденности, а скорее эхо внутреннего конфликта. Виктория боролась с собой: она, женщина, чья жизнь – сплошной холст эмоций, знала, что это грех, но влечение было сильнее. Алекс проигнорировал слова, потому что видел правду в ее глазах – ту же неутолимую жажду, что и в своих. Его поцелуй был первым искровым разрядом: страстным, всепоглощаю-

щим, разрывающим границы. Он целовал ее, вкладывая всю свою сдержанную силу, и она ответила с отчаянием, словно выплескивая годы подавленных желаний.

Виктория прижалась к нему, ее руки обвили его шею, а сердце билось в унисон с его – быстрыми, хаотичными ударами. Она была для него не просто женщиной, а воплощением всего, чего он жаждал: свободы, страсти, запретного. А для нее он был якорем в шторме, мужчиной, который мог дать то, чего она боялась – полную, ничем не сдержанную связь. Поцелуй перерос в пламя, и они забыли о мире за окном, о табу и последствиях. В этой комнате, окутанной золотым светом и ароматом, остались только они: Алекс, с его неукротимой волей, и Виктория, с ее пылкой душой, слитые в объятиях, где страсть побеждала все. Они знали, что это разрушительно, но в тот момент это было их правдой – сладким, опьяняющим ядом, от которого уже не спастись.

Глава 2

Они опустились на мягкий ковер у камина, и его ворсистая гладь обняла их, словно живое покрывало, скрывая от холодного мира. Огонь в очаге бушевал, как дикий пульс страсти, отбрасывая алые блики на их лица, а воздух насыщался жаром и ароматом дыма, который сливался с их прерывистым дыханием, делая каждый вдох интимным поцелуем судьбы. Алекс нежно уложил её, его губы скользили по шее, оставляя следы, что разжигали в ней буйство эмоций — нежность, переходящая в голод, желание, граничащее с болью. Она выгнулась под ним, пальцы её впелись в его волосы, и мир растворился, оставив лишь их двоих в вихре огня и плоти.

Её волосы рассыпались по ковру, создавая ореол шелковистого хаоса, а тепло пламени ласкало их тела, как любовник. Он медленно стянул с неё блузку, его прикосновения — это симфония заботы и дикой жажды, каждое движение несло обещание вечности, боясь прервать хрупкий экстаз. Её кожа вспыхнула под его ладонями, каждая клеточка вибрировала от эха их связи, от долгожданной близости, что терзала душу. Виктория дрожащими руками расстегнула его рубашку, её пальцы трепетали от переполняющего восторга, от смеси страха и неизбежного блаженства.

Алекс водил ладонями по её коже, начиная с шеи, где пульс бился, как раненое сердце, и спускаясь к изгибам, что отзывались дрожью, эхом их общей бури. Его губы следовали за руками, сея поцелуи — лёгкие, как вздохи ветра, но полные клятв, что связывают их навечно. Виктория отвечала, её пальцы рисовали на его спине узоры страсти, а в её вздохах звучала симфония — восторг запретного, нежность, граничащая с мукой, и глубокая, всепоглощающая связь.

Они исследовали друг друга с трепетом, как потерянный рай, открытый заново. Его дыхание сплеталось с её, создавая ритм, что пульсировал в воздухе, пропитанном дымом и их неукротимой страстью. Каждая ласка была волной, накачивающей на души, смывающей страхи, оставляя лишь чистый, жгучий союз. Виктория шептала его имя, её голос — хриплый шёпот в ночи, полный эмоций, что переливались через край.

Его правая рука скользнула ниже, по гладкой коже живота, пальцы легонько царапнули линию от пупка к самому центру её желания, где мягкие волосы обрамляли сокровенное. Он осторожно, но жадно раздвинул её бёдра, пальцы нырнули в влажную теплоту, исследуя складки с нежной настойчивостью. Большой палец надавил, рисуя круги, и Виктория издала тихий стон, её тело изогнулось в ответ, как струна, готовая лопнуть от напряжения. Эмоции взорвались внутри неё — восторг, граничащий с агонией, желание, что сжигало изнутри.

В тишине комнаты, где воздух был насыщен теплом камина и едва уловимым ароматом лаванды с мускусными нотками, их дыхание сплеталось в ритме, что эхом отзывалось от стен, как отдаленный шторм. Его — глубокое, тяжелое, словно каждый вдох нес в себе груз подавленных желаний, ее — прерывистое, усыпанное тихими стонами, что вибрировали в воздухе, подобно струнам арфы. Алекс ощущал, как его ладони скользят по изгибам ее тела, пальцы впитывают тепло и мягкость, разводя их в приглашении, что обещало неизведанные глубины. Его губы приникли к ней с голодной нежностью, исследуя те скрытые уголки, где кожа отзывалась дрожью, каждая ласка вызывала волну трепета, что нарастала, как прилив.

Виктория лежала на ковре, ее пальцы сжимали мягкие волокна, словно ища опору в этом вихре ощущений. Каждая секунда была наполнена пульсацией — его прикосновения, легкие и настойчивые, будили в ней эхо прошлых моментов, тех тайных встреч, когда мир за окном отступал, оставляя только их двоих. Она чувствовала его тепло, его дыхание на своей коже, как шелковистый шов, что связывал их тела в единую ткань страсти. Атмосфера комнаты — полутемная, с дрожащими тенями от пламени, — обволакивала их, делая каждый вздох интимным, каждое движение — частью большего танца. Её бёдра напряглись под его руками, и он, почувствовав это, углубил свои ласки, его губы скользили с жадной осторожностью, пробуждая волны удовольствия, что

катились по её телу, как раскаленные ручьи.

Каждый его поцелуй был не просто касанием — это было шепотом обещаний, эхом тех моментов, когда их взгляды встречались за обедом, полные не высказанных слов. Её тело отзывалось, изгибы напрягались, а воздух вокруг наполнялся едва слышным шелестом их кожи, смешанным с треском огня в камине. Алекс, с его привычкой к контролю, позволял себе утонуть в этом, его пальцы исследовали, давили слегка, вызывая у неё тихие вздохи, что эхом отражались в его душе.

Она выгнулась навстречу ему, её руки обвили его плечи, пальцы запутались в его волосах, прижимая ближе. Волны нарастали, её тело дрожало на грани, как натянутая струна, готовая лопнуть от напряжения. Он почувствовал это — то едва уловимое дрожание, ту дрожь, что пробежала по её коже, — и удвоил усилия, его ласки стали ритмичными, настойчивыми, каждая волна удовольствия накатывала сильнее, пока она не взорвалась в пике, тело её выгнулось в безмолвном крике, а воздух вокруг наполнился её прерывистым дыханием. Это было как вспышка, мгновение, когда мир замер, и только они существовали в этом океане ощущений.

Алекс отстранился ненадолго, его взгляд скользил по её лицу, по тому, как её глаза сияли в полумраке, полные той самой меланхолии и блаженства. Он навис над ней, его тело прижалось ближе, и она ощутила то давление, ту твердую теплоту, что скользнула по её входу, дразня кругами, застав-

ляя её бедра инстинктивно раздвигаться шире. Каждое движение было медленным, как танец в полутьме, где их кожи соприкасались, создавая трение, что разжигало огонь. Он вошел, и она почувствовала это заполнение, ту глубину, что соединила их, каждый толчок — ритмичный, хаотичный, полный дикой силы, — вызывал в ней эхо, стоны, что вырывались из её горла, отражаясь в его глазах.

Её ноги обвили его талию, ногти оставили легкие следы на его спине, как метки их страсти, и в этом ритме они потерялись — в ощущениях, в тепле их тел, в аромате пота и кожи, что смешивался с запахом камина. Он шептал слова, его голос — низкий, хриплый, — вибрировал у её уха: "Ты моя", и с каждым повторением его толчки становились неконтролируемыми, дикими, несущими их к краю. Её чувства переполнялись — смесь боли и наслаждения, воспоминаний и настоящего, — пока они не достигли пика вместе, тела сжались в едином спазме, волны блаженства прокатились через них, оставив в воздухе вибрацию, эхо их соединения.

Впоследствии, в тишине, что следовала, они лежали, переплетенные, кожа к коже, дыхание постепенно успокаивалось, а комната, с её умирающим огнем, окутывала их теплом, как одеялом. Это был не просто акт, а признание, эмоциональный шторм, что связывал их глубже, чем слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.